

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

ИСКУШЕНИЕ

ПОДДАЙСЯ МНЕ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В88

Tracy Wolff
CRUSH

Copyright © 2020 by Tracy Deeks. All rights reserved,
including the right to reproduce, distribute, or transmit in any form or by
any means. For information regarding subsidiary rights,
please contact the Publisher

Перевод с английского *Е. Татищевой*
Художественное оформление *Я. Клыга*

Вульф, Трейси.
В88 Искушение / Трейси Вульф ; [перевод с английского
Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-197786-3

Моя жизнь изменилась навсегда. Да, я вернулась в академию Кэтмир, но моя память по-прежнему подводит меня. Что со мной произошло, почему я ничего не помню?

Как раз в тот момент, когда я наконец начинаю чувствовать себя в безопасности, Хадсон дает о себе знать. Он знает правду, и она разрушит мои отношения с Джексоном.

Но пока никто из них не готов раскрыть всех карт, а тем временем зло подбирается к нам все ближе. И теперь я должна бороться не только за себя, но и за других учеников. И их спасение, я уверена в этом как никогда, потребует новых жертв.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Татищева Е., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197786-3

Посвящаю

*Элизабет Пеллетье и Эмили Сильван Ким,
двум самым крутым женщинам в нашем деле.
Ни с кем я не хочу пройти этот путь больше,
чем с вами.*

ГЛАВА 1

Я ТАКОЙ ПРОСНУЛАСЬ

Быть единственным человеком в школе, полной сверхъестественных существ, — это рискованно даже в лучшие времена. В худшие времена это немного похоже на положение резиновой игрушки в комнате, где полно бешеных собак. А в обычные времена... пожалуй, в обычные времена это довольно клево.

Жаль, что сегодняшней день никак нельзя назвать обычным. Я не знаю почему, но все кажется мне каким-то таким, когда я иду по коридору, направляясь на урок английской литературы и так крепко сжимая в руке лямку школьного рюкзака, будто это спасательный трос. Возможно, все дело в том, что я ужасно замерзла — мое тело дрожит от холода, пробирающего меня до костей. А может быть, в том, что моя рука, стискивающая лямку рюкзака, превратилась в сплошной синяк, как будто я ввязалась в бой с каменной стеной — и проиграла его. А может, в том, что все вокруг — абсолютно *все* — пожирают меня глазами и притом делают это далеко не так, как в лучшие времена.

Но, с другой стороны, разве когда-то было иначе? Я могла бы уже привыкнуть к тому, что все здесь пожирают меня глазами, поскольку это обычное дело, если ты — девушка принца вампиров; но не тут-то было. Невозможно чувствовать себя в своей тарелке, когда каждый вампир, каждая ведьма или ведьмак, каждый человековолк в Кэтмире останавливаются, чтобы уставиться на тебя, широко раскрыв глаза и еще шире разинув рот — как сейчас. По правде говоря, это придает им не самый привлекательный вид.

Да ладно, в этом уравнении в замешательстве положено пребывать мне — а вовсе не им. Они же всегда знали, что на свете есть и обыкновенные люди. Прошла всего неделя с тех пор, как я обнаружила, что монстры существуют, что они реальны. Они тут везде — и в моей комнате в общежитии, и на уроках... а иногда и в моих объятиях. Так разве не я сейчас должна ходить по школе, изумленно разинув рот и пялясь на *них*?

— Грейс?

Я узнаю этот голос и, обернувшись, вижу перед собой Мекаю, который тоже глазееет на меня, кожа на его лице, обыкновенно теплого коричневого оттенка, сейчас кажется восковой.

— А, вот ты где. — Я смотрю на него с широкой улыбкой. — А я уже думала, что сегодня мне придется читать «Гамлета» без тебя.

— «Гамлета»? — Его голос звучит хрипло, а руки, которыми он вытаскивает из кармана телефон, заметно дрожат.

— Ну да, «Гамлета». Ту самую пьесу, которую мы читаем на уроках литературы с тех пор, как я здесь нахожусь. — Я переминаюсь с ноги на ногу, вдруг почувствовав себя неловко, поскольку он продолжает смотреть на меня так, будто увидел призрака... или что-то похуже. Это не похоже на обычное поведение Мекай, каким я его знаю. — Сегодня мы с тобой должны сыграть сцену, или ты забыл?

— Мы не... — Он обрывает свой ответ на полуслове и лихорадочно тычет в клавиатуру большими пальцами с таким видом, будто пишет самое важное сообщение в своей жизни.

— С тобой все в порядке? — уточняю я, подходя к нему поближе. — Выглядишь ты не очень.

— Это *я-то* выгляжу не очень? — Он раздражается смехом и дрожащей рукой ерошит свои длинные темные волосы. — Грейс, ты же...

— Мисс Фостер?

Мекай замолкает, услышав этот голос — незнакомый мне и такой громовой, что он заполняет собой весь коридор.

— Вы в порядке?

Я устремляю на Мекаю недоуменный взгляд, и, повернувшись, мы видим, что по коридору к нам, широко шагая, спешит мистер Бадар, преподаватель лунной астрономии.

— Да, все хорошо, — отвечаю я, невольно делая шаг назад. — Я просто пытаюсь попасть на урок до того, как прозвонит звонок. — Он останавливается прямо перед нами, и я, моргая, смотрю на него. Вид у Бадара куда более потрясенный, чем можно было ожидать при таком вот обмене репликами, проходящем рано утром в школьном коридоре. Я ведь всего лишь болтала с моим другом, когда он подошел.

— Нам надо разыскать вашего дядю, — говорит он, взяв меня за локоть и пытаясь увлечь в ту сторону, откуда я только что пришла.

В его тоне есть нечто, не дотягивающее до полноценной тревоги, но звучащее более настоятельно, чем обыкновенная просьба, и это нечто заставляет меня безропотно следовать за ним под стрельчатыми сводами коридора. Это и еще поспешность, с которой Мекай, всегда такой невозмутимый, отходит в сторону.

С каждым шагом ощущение, что что-то здесь не так, становится все острее. Все, кто попадает на пути, останавливаются как вкопанные, нервозность мистера Бадара от этого только возрастает.

— Не могли бы вы объяснить мне, в чем дело? — спрашиваю я, когда толпа перед нами расступается. Я наблюдаю это явление не впервые — ведь я как-никак встречаюсь с Джексонем Вегой, — но сейчас это происходит, когда моего парня нет рядом, и прежде такого не бывало никогда. Чертовски странно.

Мистер Бадар смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова, затем спрашивает:

— А вы не понимаете?

Напряжение и изумление, которые я слышу в его раскатыстом низком голосе, только усиливают мое смятение. Тем более что это напоминает мне о том, как выглядело лицо Мекай, когда пару минут назад он извлекал из кармана свой телефон.

Точно такое же выражение появляется на лице Кэма, когда мы проходим мимо открытого кабинета химии, в котором он стоит. И лицо Гвен. И лицо Флинта.

— Грейс! — кричит Флинт, выбежав из класса и пристроившись к нам с мистером Бадаром. — Боже мой, Грейс! Ты вернулась!

— Не сейчас, мистер Монтгомери, — рывкает учитель, щелкая зубами после каждого слова.

Стало быть, он человековолк... во всяком случае, такой вывод можно сделать, оценив размер клыков, которые выглядывают из-под его верхней губы. Впрочем, мне следовало догадаться об этом раньше, раз уж он преподает такой предмет — кого лунная астрономия может интересовать больше, чем тех, кому время от времени хочется повить на луну?

И мне впервые приходит в голову, что, быть может, этим утром случилось нечто такое, о чем я еще не знаю. Неужели Джексон и Коул, этот вожак человековолков, сцепились опять? Или Джексон подрался с каким-то другим человековолком — к примеру, Марком или Куинном? Это кажется мне маловероятным, ведь в последнее время все они обходят нас десятой дорогой. А если дело не в этом, то с какой стати этот учитель-человековолк, с которым я даже не знакома, охвачен сейчас такой паникой и почему он так упорно стремится отвести меня к моему дяде?

— Подожди, Грейс... — Флинт тянется ко мне, но мистер Бадар не дает ему дотронуться до меня.

— Я же сказал — не сейчас, Флинт! Идите на урок! — Голос, которым мистер Бадар произносит эти слова, больше похож на рычание.

Флинт, похоже, хочет возразить, его собственные острые зубы тоже обнажаются, блестя в мягком свете люстр, однако, видимо, решает, что ситуация того не стоит — потому что в итоге ничего не отвечает. Он просто останавливается как вкопанный и смотрит, как мы идем мимо... как и все в этом коридоре.

Несколько человек хотят подойти — например, подруга Мэйси, Гвен, но учитель лунной астрономии опять предо-

стерегающе рычит, чуть ли не конвоируя меня, и все они остаются на своих местах.

— Держитесь, Грейс. Мы уже почти пришли.

— Почти пришли куда? — говорю я и слышу, что мой голос звучит сипло.

— В кабинет вашего дяди, куда же еще? Он давно вас ждет.

Чушь какая-то. Я же видела дядю Финна только вчера.

Мне становится не по себе, по рукам и спине бегут мурашки. Что-то здесь не так. Здорово не так.

Когда мы заворачиваем за угол и оказываемся в другом коридоре, том, который увешан гобеленами и в который выходит дверь кабинета дяди Финна, я тоже решаю достать из кармана свой телефон. Надо поговорить с Джексоном. Уж *он-то* скажет мне, что происходит.

Не может же все это быть из-за Коула, ведь так? Или из-за Лии? Или из-за... Я вскрикиваю, когда мои мысли вдруг с размаху натываются на гигантскую стену, усеянную огромными металлическими шипами, которые вонзаются прямо мне в голову.

Хотя эта стена неосязема и ее нельзя потрогать, мысленно натолкнувшись на нее, я испытываю ошеломительную душевную боль. И застываю, ошарашенная. Придя в себя от охватившего меня изумления — и боли, — я опять силюсь преодолеть препятствие в попытке собраться с мыслями. Нужно направить их по тому пути, который вдруг оказался полностью перегорожен, наглухо закрыт.

И тут до меня доходит, что я не помню, как я сегодня утром проснулась. Не помню, как завтракала. Как одевалась. Как говорила с Мэйси. Я вообще не помню сегодняшней день.

— Какого черта тут происходит?

Я даже не осознаю, что произнесла эти слова вслух, пока учитель не отвечает, причем довольно мрачно:

— Полагаю, Фостер надеялся, что это ему расскажете вы.

Не такого ответа я ожидала, и я снова пытаюсь достать из кармана телефон — уж на этот раз я не стану отвлекаться ни на что, пока не выну его. Мне нужен Джексон.

Вот только моего телефона нет ни в том кармане, где я обычно держу его, ни в остальных. Как такое возможно? Я никогда нигде не забываю телефон.

Мое смутное беспокойство превращается в страх, который сменяется паникой, вопросы сыплются один за другим. Я пытаюсь выглядеть спокойной, пытаюсь не показать двум десяткам человек, которые сейчас смотрят на меня, как я на самом деле напугана. Но трудно сохранять невозмутимый фасад, когда ты не имеешь ни малейшего представления о том, что произошло.

Мистер Бадар слегка подталкивает мой локоть, чтобы я сдвинулась с места, и я следую за ним как на автопилоте. Мы делаем еще один поворот и, в конце концов, оказываемся перед дверью кабинета директора Кэтмира, моего дяди Финна. Я ожидаю, что мистер Бадар постучит, но он просто распахивает дверь и проводит меня в приемную, где за столом сидит помощница дяди Финна, миссис Хейвершем, сосредоточенно печатая что-то на своем ноутбуке.

— Я сейчас, — говорит она. — Мне нужно только...

Она отрывает глаза от экрана, глядит поверх своих полукруглых фиолетовых очков и, увидев меня, замолкает на середине фразы. Вскочив со стула, который отлетает назад и со стуком ударяется о стену, она зовет моего дядю:

— Финн, скорее сюда! — Выбежав из-за стола, она порывисто обнимает меня. — Грейс, как я рада тебя видеть! Как чудесно, что ты здесь!

Я понятия не имею, что она хочет этим сказать и почему она вдруг бросилась обнимать меня. То есть миссис Хейвершем, конечно, весьма приятная дама, но я понятия не имею, когда наши с ней отношения успели проделать весь путь от официальных приветствий до таких вот импульсивных и восторженных объятий.

Однако я обнимаю ее в ответ. И даже похлопываю по спине — правда, с некоторой опаской, но ведь это не считается, главное — внимание. От ее белых кудрей приятно пахнет жимолостью.

— Я тоже рада вас видеть, — говорю я, начиная отстраняться и надеясь, что в этой и без того странной ситуации достаточно будет пяти секунд объятий.

Но, похоже, миссис Хейвершем настроена обнимать меня долго, ее руки обвили меня так крепко, что мне становится трудно дышать. Не говоря уже о том, что я чувствую себя неловко.

— Финн! — кричит она опять, не обращая внимания на тот факт, что ее губы, накрашенные ярко-красной помадой, почти касаются моего уха. — Финн! Это...

Дверь кабинета моего дяди распахивается.

— Глэдис, у нас же есть интерком... — Он тоже замолкает, не закончив фразу, и его глаза широко раскрываются, когда он видит мое лицо.

— Привет, дядя Финн. — Я улыбаюсь ему, когда миссис Хейвершем наконец ослабляет хватку, и я перестаю ощущать аромат жимолости, исходящий от ее волос. — Извини, что побеспокоила тебя.

Мой дядя не отвечает. Вместо этого он просто не сводит с меня глаз, открывая и закрывая рот, но не произнося ни звука.

И у меня обрывается сердце.

Пусть я не знаю, что я ела сегодня на завтрак, но одно я знаю точно... Что-то тут не так, очень, очень не так.

ГЛАВА 2

ИТАК... ЧЕГО МНЕ НЕ ХВАТАЛО?

Я пытаюсь собраться с духом, чтобы спросить дядю Финна, в чем же дело — до этого он мне никогда не лгал (во всяком случае, если я задавала ему прямые вопросы), — но прежде, чем я успеваю извлечь звуки из своего напрочь пересохшего горла, он кричит:

— Грейс! — После чего бросается ко мне через всю приемную. — Грейс! О боже, Грейс! Ты вернулась.

Вернулась? Почему люди повторяют это слово? Куда же я уезжала? И почему они не ожидали, что я вернусь?

Я опять начинаю рыться в своей памяти и опять натываюсь на гигантскую стену. На сей раз это уже не так боль-

но — наверное, потому, что первое потрясение прошло, — но я все равно чувствую некоторый дискомфорт.

Как и миссис Хейвершем, дядя Финн, оказавшись рядом, тут же обнимает меня, его руки медвежьей хваткой сжимают мою спину, и меня обволакивает исходящий от него запах леса, такой знакомый, такой родной. Его объятия успокаивают — куда больше, чем я ожидала, — и я припадаю к его груди и немного расслабляюсь, но по-прежнему не могу понять, что же произошло. Почему мне не удается вспомнить ничего, что могло вызвать подобную реакцию у моего дяди... да и у всех остальных?

Я же просто шла по коридору, направляясь на урок, как и любая другая ученица или ученик.

Наконец дядя Финн отстраняется, но всего лишь для того, чтобы посмотреть на мое лицо.

— Грейс, я все никак не могу поверить, что ты вернулась к нам. Нам так тебя не хватало.

— Не хватало? — повторяю я, сделав два шага назад, полная решимости добиться от него ответов. — В каком смысле? И почему все вокруг ведут себя так, будто увидели привидение?

На секунду во взгляде дяди Финна, который он бросает на учителя, приведшего меня сюда, мелькает паника, такая же, как та, которую я стараюсь подавить в себе, но затем его лицо разглаживается, глаза становятся пустыми (что теперь не пугает меня), и он, обвив рукой мои плечи, говорит:

— Давай пойдем в мой кабинет и обсудим все это, хорошо, Грейс? — Он снова переводит глаза на мистера Бадара. — Спасибо, Радж. Я благодарен тебе за то, что ты привел Грейс ко мне.

Мистер Бадар молча кивает, затем его взгляд ненадолго задерживается на мне, и он выходит в коридор.

Дядя Финн мягко подталкивает меня к двери своего кабинета — что это с ними всеми, почему им так нужно куда-то двигать меня? — и при этом, не переставая, дает указания миссис Хейвершем:

— Пожалуйста, отправь сообщение Джексону Веге и попроси его прибыть ко мне как можно скорее. И посмотри, в какое время у моей дочери... — он глядит на меня, затем

опять на свою помощницу, — заканчивается *внутрисеместровый экзамен*.

Миссис Хейвершем кивает, но в это мгновение дверь, которую закрыл за собой мистер Бадар, распаивается с такой силой, что ее круглая ручка с грохотом ударяется о каменную стену у меня за спиной.

Мои нервные окончания приходят в боевую готовность, каждый волосок на теле встает дыбом, потому что, даже не оборачиваясь, я точно знаю, знаю каждой клеточкой моего тела, кто сейчас вошел в дверь.

Джексон.

Всего один быстрый взгляд, брошенный через плечо на его лицо, позволяет узнать все, что мне нужно знать. В том числе и то, что сейчас он поднимет шум. Причем отнюдь не в хорошем смысле этого слова.

— Грейс. — Его голос едва слышен, однако земля под моими ногами начинает качаться, когда я встречаюсь с ним взглядом.

— Все в порядке, Джексон. Я в порядке, — успокаиваю я его, но, похоже, мои уверения не имеют значения, потому что не проходит и секунды, как он оказывается рядом и, вырвав меня из объятий дяди Финна, сжимает своими мускулистыми руками.

Я никак не ожидала такого — не ожидала, что он будет так явно демонстрировать свои чувства перед моим дядей, — но едва наши тела соприкасаются, мне становится все равно. Внутреннее напряжение уходит без следа, как только я ощущаю прикосновение его кожи к моей. У меня такое чувство, будто я впервые задышала свободно после того, как Мекай позвал меня в коридоре. А может быть, свободно я не дышала куда дольше.

«Вот чего мне не хватало, — понимаю я, прильнув к его груди. — Вот что я искала, сама не осознавая, до того самого момента, когда меня обвили его руки».

Должно быть, Джексон чувствует сейчас то же, что и я, потому что он прижимает меня к себе еще теснее, одновременно делая долгий, медленный выдох. Он содрогается, и, хотя земля и перестала ходить ходуном, по ней все еще пробегает еле заметная дрожь.